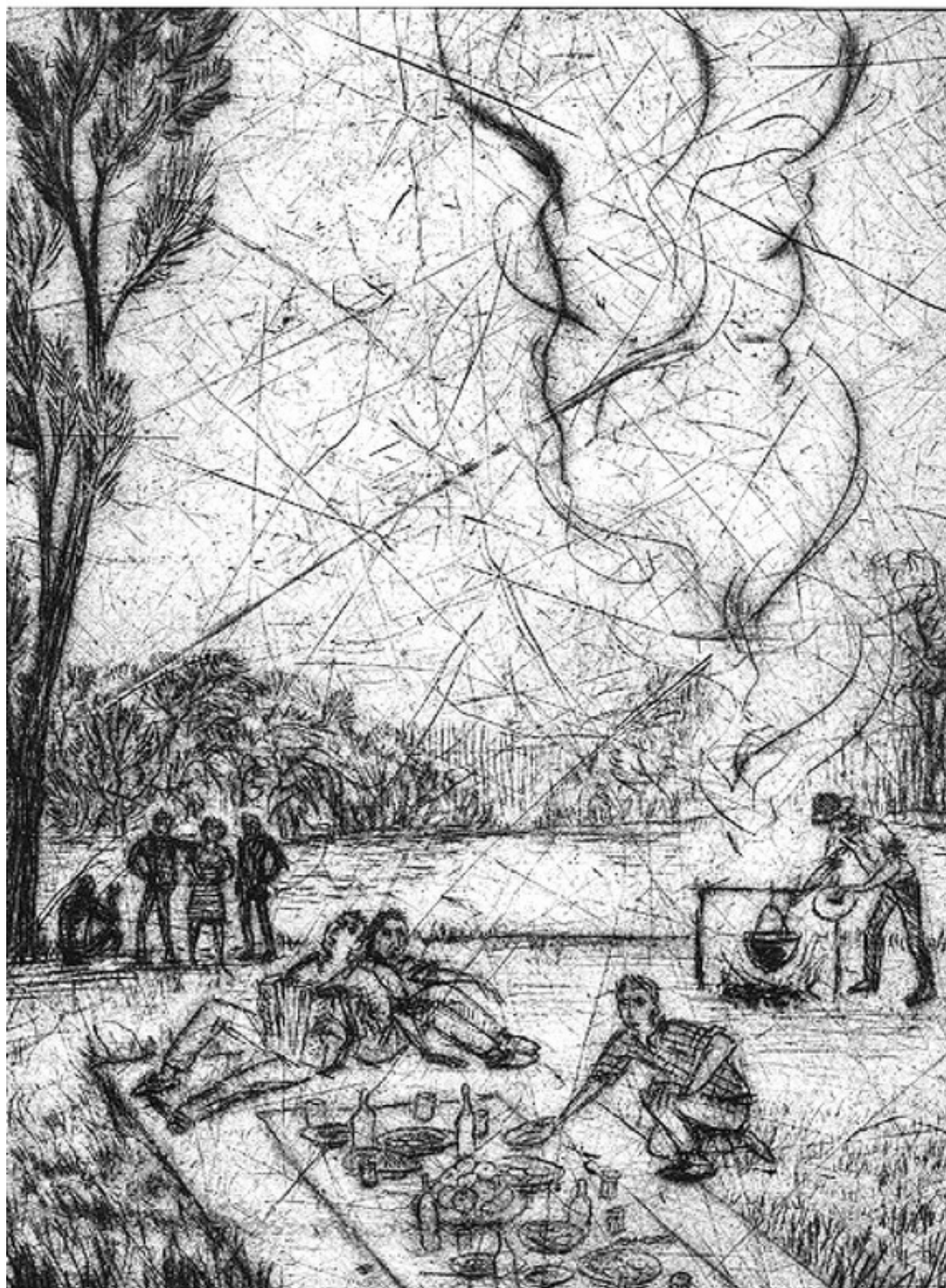

Виктор Казаков

Воскресник

Виктор Казаков

Воскресник

«Книга-Сэфер»

2015

Казаков В.

Воскресник / В. Казаков — «Книга-Сэфер», 2015

Книги Виктора Казакова читают в России, во многих странах СНГ, Чехии; продаются они в русском книжном магазине в Мюнхене, в этом же городе трехтомник писателя стоит на полках старинной в Германии русской Толстовской библиотеки... На фоне многочисленной «дешевой» литературы, заполонившей современные книжные магазины (всяческие «ужастики», «детективы», кровавые «криминалы» и пр.), произведения В. Казакова выигрывают приглашением читателя всерьез подумать «о времени и о себе». Герои повестей – наши современники, живут они в исторические для Родины перестроечные дни, когда, по словам автора, «мертвая зыбь, так долго мучившая страну, неожиданно покачнулась, зарябила, вздернулась, застучала в берега пока пусть невысокими, но уже предвещающими изменение погоды волнами». Многие из читателей, наверно, как в зеркале, увидят в героях повестей немало своего. В эти годы отчетливо проявились результаты семидесятилетнего «коммунистического воспитания» – какими мы стали.

Виктор Казаков

Воскресник

© Виктор Казаков, 2015
© Издательство «Книга-Сефер»

* * *

Начало февраля. 2013 год

Новость, как и многие другие важные новости последних лет, в город Маринск сначала пришла из непроверенных источников. Федеральное правительство, утверждали источники, в европейской части страны решило построить современную автомобильную магистраль. Слухи множились, становились все более подробными, среди них встречались и вполне правдоподобные, и заведомо фантастические. Поговаривали, например, что магистраль, по примеру некоторых стран Европы, будет платная, называлась даже точная цена, которую придется платить автомобилистам за один километр. А недавно в городе стала известна и такая новость: по новой дороге разрешат движение только военной технике, дорогу правительство вообще решило построить в связи с недавно раскрытыми замыслами наших потенциальных противников.

Судя по настроению большинства обывателей Маринска, все эти слухи не сильно интересовали город... Новостройка, даже если она и вправду состоится, местному населению не обещала заметного улучшения жизни: автобан, как говорили, пройдет далеко в стороне, и в городе, по улицам которого, чтобы выровнять дороги, за последние двадцать лет ни разу не проехал ни один грейдер, автомашины по-прежнему будут ломать рессоры, а пешеходы будут ходить летом по пыльным колдобинам, а зимой по глубокой грязи.

Но вот, наконец, была опубликована официальная правительственная информация: решение о строительстве новой магистрали, несмотря на финансовые трудности в стране, действительно оказалось принятым; сообщалось также, что уже вычерчены все проекты и подготовлены техника и материалы.

Газеты напечатали карту-трассу будущего автобана: из центра европейской части страны трасса шла строго на юг и соединялась с дорогой, идущей вдоль морского побережья.

Вот-вот должны были уже начаться работы по реализации проекта. Но тут произошла непродолжительная заминка. Из-за экономии средств один из участков автобана в соседней с Маринском области был запроектирован через старый лиственный лес, и общественность настойчиво потребовала спасти деревья. На митингах (они проходили и в Москве) протестанты громко – и справедливо! – заявляли, что природа стране дороже, чем дополнительные рубли на измененную, в обход реликтовой рощи, трассу дороги.

В результате дело повернулось неожиданным и благоприятным для Маринска боком: проект был изменен, участок магистрали, еще недавно запроектированный через лес, развернули круто на запад, и теперь он оказался совсем рядом с Маринском, прямо у его восточной окраины, от последней улицы – в минутной доступности!

В апреле строители приступили к работе.

Утро 14 июня...

1

Дамаскин открыл глаза, покосился на стену, где круглые настенные часы показывали шесть, быстро встал с постели и, распахнув окно, прищурился от яркого, чуть приподнявшегося над горизонтом солнца. Небо было безоблачным, и это не понравилось Григорию Васильевичу.

Уже несколько дней город мучился от удушливого зноя. Люди без конца пили воду, обливались липким потом и пересохшими губами опять тянулись к воде.

«И сегодня будет жарко...»

Третий день он жил один – жена уехала отдохнуть в Траповку, маленькое приморское село в пятидесяти километрах от Маринска, где у знакомых людей Дамаскины каждый год во время летнего отпуска снимали флигель. В ближайшую субботу на два дня сюда собирался приехать и сам глава города.

Бреясь в ванной комнате, Григорий Васильевич хорошо видел в большом зеркале свой высокий лоб на круглом курносом лице, по краям лба залысины, еще не соединившиеся в плешь, худые, но почти без морщин щеки... «Кажется, я все еще выгляжу моложе своих лет...» – не удержался он от комплимента самому себе, правда, через секунду, бритвой поправляя виски, Дамаскин уже забыл думать о своем возрасте.

Недавно ему исполнилось пятьдесят восемь лет. Дату отметили дома и на работе: жена подарила дорогую шариковую ручку и сама купила бутылку шампанского; сын из Иркутска, где теперь жил с семьей, по электронной почте прислал смешные стихи; служащие администрации в конце рабочего дня в кабинет главы принесли бутылку коньяка, свежие булочки и открыли банки с овощами местного консервного завода; секретарша Наташа была в новом платье.

«Купим еще один автобус, откроем маршрут «Маринск – Приморск», летом по выходным будем ездить купаться в море»...

С этой приятной мыслью Григорий Васильевич вышел из дома. До административного здания, на втором этаже которого располагался его кабинет, было от дома несколько десятков метров, но Дамаскин не торопился преодолеть эти метры, ему хотелось некоторое время потешить себя мыслями на свежем воздухе. Воздух все еще оставался прохладным и незапыленным, и ноздри приятно щекотали знакомые запахи зреющих в садах яблок и степного чебреца.

Удлиняя маршрут, глава Маринска дошел до крайнего дома улицы и повернул за угол.

«Автобусную станцию отремонтируем... стены там еще крепкие, а крышу как покрыли когда-то камышом, теперь уже и не поймешь, какого она цвета... Сегодня же поговорю с Бабкиным»...

Бабкин в администрации отвечал за коммунальное хозяйство.

«У новой дороги оборудуем платформу-остановку для междугородних автобусов»...

Подумав о платформе, Григорий Васильевич вспомнил еще об одном человеке – Никишове. Когда-то они вместе работали в местном педучилище, нынче бывший преподаватель музыки был хозяином местной строительной фирмы.

«Дружили когда-то, но давно не виделись, теперь, наверно, с трудом вспомню, как выглядит Кузьма...».

Дамаскин, конечно, преувеличивал степень своей забывчивости, память у него и сейчас была такой же цепкой, как и в молодые годы.

«Расщедрилась федерация... Две исконные беды: дураки и дороги... Вчера прочитал в Интернете: средняя стоимость одного километра автобана в Германии – 26,8 миллиона евро... Наши сначала удешевят проект, потом часть денег разворуют, правительство в очередь

ной раз раскошелится... и в конце концов выйдем на цифру, в два раза большую, чем у немцев»...

О деньгах для автобана три дня назад говорили и на совещании у губернатора. Борис Савельевич Ивлев, не по повестке завершая руководящую речь, долго и подробно объяснял тогда, как улучшится жизнь в области, когда будет построен еще одна магистральная дорога. Фантастические слухи по поводу новостройки назвал издержками свободы слова и намекнул при этом на недостатки в работе правоохранительных органов. Потом сказал: хотя магистраль пройдет по половине области, из областного бюджета строительство не потребует ни копейки. «Это нам, как манка», – щегольнул было губернатор знанием древних источников, а когда кто-то с места негромко поправил: «манна», охотно согласился: «Да, манна»...

Посмотрев на часы, Дамаскин свернул на соседнюю улицу и, чтобы не опоздать на работу, убыстрил шаг...

Секретарша Наташа была в предназначенном для нее маленьком «предбаннике», сидела за большим столом в жестком кресле, спинка которого упиралась в широкую этажерку с разноцветными папками. Достав из сумочки маленькое зеркальце и перламутровую пудреницу с кисточками, она уже подправила на лице все, что считала нужным подправить (и считала зря, потому что была в том счастливом возрасте, когда даже самые незначительные подправки только портят лицо женщины), уже ответила на несколько телефонных звонков и в своем служебном блокноте сделала первые новые записи. Начальника она встретила приятной улыбкой человека, хорошо за ночь отдохнувшего и готового с удовольствием продолжить работу. На вопросительный взгляд Дамаскина («есть ли новости?») Наташа кивнула кудряшками:

– Только что звонил, – заглянула в блокнот, – Иван Петрович Комаров, строитель автобана. Просил о встрече.

– Строитель автобана?! Откуда звонил Комаров?

– Иван Петрович уже в районе. «Приехал, сказал по телефону, наверно, пошутил, забивать колышки на трассе». Его мобильник... – Наташа взяла блокнот в руки.

Не теряя времени, Дамаскин позвонил по записанному секретаршей номеру и договорился о срочной встрече с еще не знакомым ему строителем автобана. Все дела, запланированные на утро, он, предчувствуя важность предстоящей встречи, отменил.

2

Комаров попросил на дорогу десять минут. Его «уазик», когда звонил глава района, стоял у края местного песчаного карьера.

Пока автомобиль Комарова едет к зданию маринской администрации, скажем несколько слов о городе, в котором суждено продолжиться сюжету нашей повести.

Маринск расположен в неглубокой естественной впадине между двумя большими холмами. Когда-то в древности с северному холму подступали дремучие лесные массивы, а к южному – уже ковыльные степи. Вокруг города тогда паслись отары овец... Чтобы лучше представил себе старую жизнь Маринска, приведем один, на наш взгляд, интересный документ: некий царский офицер приблизительно сто лет назад прожил здесь две недели и кое-что о селе (тогда это было село) написал в своем дневнике; эту запись (дневник хранится в одном из московских архивов) уже в наши дни переписал в свою тетрадку маринский краевед-любитель Петр Евсеевич Орешкин.

«Село расположено на пути, по которому в древние времена мигрировали (на юг, поближе к устью Дуная, а потом и дальше – на Балканы) разные древние народы. Какая-то часть пере-

селенцев здесь оседала, «чужаки» строили дома, заводили семьи и постепенно растворялись среди местного населения. Впрочем, растворялись, можно сказать, взаимно. Как-то я был свидетелем такой сцены: семь-восемь босоногих мальчишек на улице игрались в пыли и разговаривали (sic!) по-русски, по-болгарски, по-молдавански (я немного знаю и этот язык) и еще на каком-то неизвестном мне тюркском языке. И хорошо понимали друг друга!

...Маринское стоит на урожайной земле, хорошо растут здесь пшеница, помидоры, огурцы и арбузы. Через село бежит речка Дубровка, вода в ней всегда чистая. Возле каждого дома – сад. А на песчаниках за селом – там уже начинаются степи – каждый житель села возделывает небольшую делянку виноградника, ягоды перерабатывают в красное и белое вино, огромные бочки с вином прячут в прохладные подвалы.

Сельчане в основном высокого роста, блондинистые, курносые и широкоскулые...

А пейзажи вокруг – загляденье! Как-то под вечер я гулял по окрестностям с Н.Н., дочкой управляющего. Мы поднялись на высокий холм, вершину которого густой зеленой шапкой укрывала роща молодых дубков. С окраины рощи в широкой долине внизу хорошо было видно уютное село. Где-то у нас за спинами к горизонту клонилось солнце, его лучи веселили поле цветов перед нами и ярко освещали крыши домов внизу...».

В советское время степь стали «поднимать», на месте, где паслись овцы, заколосилась пшеница.

Городом Маринск стал называться после второй Отечественной войны. Но как и в патриархальные годы, здесь и сейчас люди живут в невысоких частных домиках, слепленных из самана; из этого же материала построены больница, клуб и консервный завод. К покосившимся заборам примыкают узкие кривые улочки. Только центральная улица, застеленная булыжником, прямее других.

Городской оттенок поселению придают разбросанные в разных местах каменные школа, кинотеатр, здания бывшего педучилища, бывшего райкома партии (сейчас в нем – городская администрация) и большой трехэтажный жилой дом на центральной улице. Дом этот когда-то построили специально для тогдашнего районного партийного руководства. Рассказывают, что проектировщикам, когда они еще только вычерчивали квартиры, мешала одна мелочь, на которую в конце концов им пришлось махнуть рукой: в углу на ватмане при любом варианте оставалась крошечная площадь, где выкраивалась только одна небольшая двухкомнатная квартира. «Двушку» построили вместе со всем домом, и она долго пустовала. Предлагали ее заведующему гортопом товарищу Хаджинедову, но тот от предложения отказался. В конце концов, квартиру отдали «очереднякам» – молодым преподавателям педучилища Дамаскиным, несколько лет до этого жившим в студенческом общежитии. (Вручая ключи от той квартиры, председатель горсовета Тюркина мягко пожала руку Григория Васильевича и, поцокав языком, завистливо повертела головой: «Признайтесь, товарищ Дамаскин, вы не думали, что будете жить в одном доме с такими людьми». Григорий Васильевич тогда готов был признаться в чем угодно).

В той квартире родился и вырос сын Вовка. А когда Дамаскина около года назад избрали руководителем района и помощники стали намекать, мол, есть возможность занять апартаменты, в которых всегда жили первые секретари райкома партии, Григорий Васильевич намеков «не понял», жить остался в старой квартире, а в пустовавшие апартаменты поселил многодетную семью.

Через десять минут...

Комаров оказался человеком средних лет, с густой рыжей шевелюрой и большими очками, удобно лежавшими на коротком носу. Одет он был в мягкую хлопчатобумажную

рубашку и темно-синие джинсы, купленные, как видно, еще во времена советского дефицита и предназначенные специально для командировок.

Разговор начался без ритуальных вступлений.

– ...Об автобане вы, Григорий Васильевич, конечно, знаете.

Присматриваясь к сидевшему напротив собеседнику, Дамаскин в ответ сдержанно дважды слегка кивнул подбородком. Покосился на лежавшую на столе визитную карточку;

– Хорошо знаю, Иван Петрович. Знаю, что уже где-то успешно идут работы.

Комаров удовлетворенно наклонил голову.

– Добавлю не известную вам подробность: на днях начнется строительство участка, расположенного возле вашего города. Я тут буду главным, – Комаров улыбнулся, губы сжались в ироничную трубочку, очки сдвинулись к белесым бровям.

Дамаскин оценил гримасу: «Важничать не станет».

– Вам понадобится наша помощь?

– Да, Григорий Васильевич, за тем и приехал.

– Внимательно слушаю...

Глава района с каждой минутой проникался к строителю все большим доверием. Может быть, что-то *дружеское* видел он в голубых глазах собеседника, а может быть, виной тому была только что сообщенная Комаровым приятная новость.

– Хотел бы в вашем городе поселить часть строителей – за гостиницу заплатим сразу за три месяца. Интересует нас расположенный на вашей территории песчаный карьер... Вот, пожалуй, и все.

Комаров снял очки; близоруко щурясь, поднял подбородок.

Просьбы оказались необременительными и даже выгодными городу – гостиница (недавно капитально отремонтированная, она стояла полупустой) получит долговременных постояльцев, а местный бюджет – деньги за песок.

Дамаскин уже приготовился подтвердить, что город с удовольствием выполнит все просьбы строителя, но неожиданно он уловил в себе сильно взволновавшую его мысль. И сделал в разговоре едва заметную паузу. «Комарову дадут большие деньги, в его власти будут мощные самосвалы, бульдозеры, тракторы...»

И возникла Идея!

О ней Григорий Васильевич говорить пока не стал – решил подождать, чтобы в разговоре, как сказал бы местный парикмахер Рубинштейн, «попасть на момент».

О песчаном карьере и гостинице легко договорились. Обсудили и детали – в частности, где и как лучше проложить временную дорогу к песчаному карьере. Дамаскин теперь откровенно подмасливал разговор:

– У вас, Иван Петрович, в процессе сооружения автобана могут возникнуть еще какие-либо просьбы. Мы их тоже с удовольствием выполним...

Беседа шла к концу, уже поговорили даже о погоде – о затяжных дождях в Москве и безжалостной жаре, на которой, очевидно, придется начинать работу первым строителям маринского участка автобана. И когда разговор был совсем на исходе и оставалось только крепким рукопожатием закрепить договор о дружеской взаимопомощи, сердце Дамаскину подсказало, что момент, который теперь для него был самым главным, наступил.

Начал издалека и как будто вовсе не о том, ради чего была та утренняя деловая беседа:

– Наше поселение, Иван Петрович, очень древнее; бульжник в центре города стелили еще перед войной, он давно скособочился, а улица стала похожа на большую стиральную доску. Колхозная машина с молоком, бывало, пока проедет, в цистерне – сливочное масло...

Дамаскин поднял на строителя осторожный взгляд:

– Не могли бы вы, Иван Петрович, – между своим главным делом заасфальтировать еще и нашу центральную улицу? Сто двадцать метров.

Комаров, минуту молча поразмышляв, кивнул подбородком:

– Хорошо, Григорий Васильевич. Сделаю. Бульжник уберем, привезем песок, гравий. Все оформим по закону – в порядке шефской помощи городу. На некоторое время выделю вам технику с водителями, но... – строитель вскинул к потолку рыжую голову: – Когда подготовим улицу под асфальт, попрошу помочь мне неквалифицированной рабочей силой.

– С подсобными рабочими проблем не будет! – торжествовал Дамаскин.

И после этих слов им были сказаны слова, которые, когда Комаров уже уедет, а у главы администрации состояние торжественности несколько понизится, заставят Григория Васильевича на некоторое время всерьез задуматься:

– Выведем на воскресник весь город!

Комаров поднялся со стула, поглядев в окно, увидел на улице ожидавший его «уазик», но Григорий Васильевич опять на минуту задержал его:

– Недавно, Иван Петрович, на южной окраине нашего города бурили землю геологоразведчики, искали нефть, но нашли не нужную им минеральную воду – вода до сих пор течет из скважины. Горожане там соорудили *копанку*, говорят, что после купания в ней хорошо работает сердце. Может быть, ваш бульдозер пройдет еще и у скважины – выроет нам небольшой бассейн?

Комаров и эту просьбу пообещал выполнить.

Все еще утро того же дня, десять часов

Проводив строителя, Дамаскин направился в соседний кабинет, где работал его заместитель Полович. Марк Семенович в это время сидел за столом и, энергично жестикулируя, сердито говорил в телефонную трубку (был он в расстегнутой белой рубашке, пиджак висел на спинке кресла):

– ... Изучил я в газете твой, Авдеев, вчерашний опус... Да, «О пользе раков». Эта штука, скажу тебе, посильнее «Фауста» Гете! Особенно впечатлил абзац, где ты подробно рассказываешь об опасностях при ловле ракообразных. Любишь ракообразных, Станислав Николаевич?.. Да не издеваюсь я, а только хочу, Слава, по-дружески спросить тебя: на каком свете ты живешь? Из нищенского муниципального бюджета мы твоей газете выделяем деньги, и ты их тратишь на всякую ерунду! А, например, о том, что на днях администрация открыла летний лагерь для детей, – будто сквозь зубы процедил, два абзаца мелким шрифтом...

Увидев в дверях Дамаскина, Марк Семенович бросил на стол трубку.

Визит насторожил Половича. Обычно глава администрации приходил к нему только при чрезвычайных обстоятельствах, чаще приглашал в свой кабинет (где они и дела решали, и просто по-дружески беседовали – иногда, не глядя на часы, до позднего часа).

– Что-то случилось, Гриша?

Они дружны уже много лет – с той далекой осени, когда, закончив университеты (в разных городах), приехали в Маринск работать в местном педучилище. Дамаскин к тому времени был уже женат, Марк обзавелся семьей через год... В квартире Половича, в гостиной, сейчас висит старая черно-белая фотография: два загорелых молодых человека – с трудом узнаются наши нынешние герои, – черноволосые и гибкие, в спортивных костюмах, неловко обнявшись и дурашливо улыбаясь, облокотились на свои наполовину поместившиеся в объектив велосипеды. Снимку двадцать с лишним лет – в тот год летний отпуск они решили начать с велопробега к морю...

Они учили детей русскому языку и русской литературе. И попутно – своей *вере*, где главным был *завет*: смысл жизни – в том, чтобы узнать как можно больше интересного и полезного и добавить к этому интересному и полезному что-то еще и свое.

С тех далеких лет они душой и сердцем приросли к городу. Маринский любитель-краевед Орешкин как-то говорил Дамаскину: когда биополе места – а любое место имеет биополе – совпадает с биополем живущего на нем человека, между человеком и местом возникает *комплиментарность*. Григорий Васильевич тогда внимательно выслушал краеведа, но свою любовь к Маринску объяснял проще: в этом городе прошли молодые годы – время, когда хочется всего и на все хватает сил.

Сейчас Полович носил густую, чуть вьющуюся, но уже побелевшую шевелюру. На лице его, всегда гладко выбритом, все было несколько крупнее нормы, что, однако, не только не портило лицо, но, по оценкам женской половины администрации, даже добавляло Половичу мужской привлекательности. Роста Полович был среднего, фигурой напоминал спортсмена, уже забросившего тренировки, – еще сохранившимся стремительным движениям заметно мешал выдающийся животик, из-за которого зам Дамаскина вместо брючного ремня год назад под пиджаком стал носить разноцветные подтяжки.

– ... Что-то случилось, Гриша?

– Случилось, Марк. Только что у меня был симпатичный гость...

Дамаскин рассказал о визите строителя дорог. Не удержался от восклицаний:

– Представляешь, Марк! Автобан когда еще будет построен, а у нас нынешним летом – асфальт на центральной улице, минеральный бассейн! Бесплатно! У бассейна соорудим городок для детей – песочницы, качели, разобьем еще один парк...

Полович в ответ скупно улыбнулся не разжимая губ – Марк Семенович принадлежал к тем осторожным людям, которые, прежде чем во что-то поверить, сначала обязательно должны это «что-то» хорошо проверить.

– Воскресник говоришь?

– Воскресник! Как когда-то! Помнишь, вокруг педучилища высаживали деревья...

Полович потеревил на голове курчавую седину.

– Недавно проходил мимо тех деревьев, вокруг каждого – гора окурков!

– Балбесничает молодежь.

– Нормальное государство ни в чьи руки не отдаст армию, прокуратуру, полицию, разведку. Почему *воспитание* сейчас отдано в руки мерзавцев? – вдруг разгорячился Марк Семенович. – Смотришь вечером телевизор – сплошной самодостаточный маразм!

– Не смотри. Или захотелось цензуры?

– Когда-то главным цензором в России был Иван Александрович Гончаров!

– Когда-то... когда-то мы были молодыми. *Помнишь девушку Леру – несчастье мое...*

Полович упрямо повел подбородком:

– Кто теперь читает стихи?!

Дамаскин pokrивил рот – вспомнил, наконец, что к Половичу он пришел вовсе не для разговора о стихах.

– Почему ты такой скучный, Марк? С тобой впору отправиться в еловый лес – выбирать елку, чтобы повеситься. А воскресник...

– Воскресник, Григорий Васильевич, – твоя очередная романтическая утопия! Наш народ... – Полович кивнул на окно, не договорив, поспешил взять в руки лежавшую на столе бумагу: – Письмо, Гриша, свежее, еще пахнет почтой: «Уважаемые слуги народа! Где новая школа, почему до сих пор так и не побелили клуб – стоит грязный, как конюшня? Почему не отремонтированы уже готовые разрушиться магазин на улице Кооперативной, городская больница? Был в районе колхоз (между прочим, при черноземе-то не голодали!) – развалили; было педучилище – закрыли...»

Дамаскин вспыхнул порохом:

– Захар Бурба?

– Захар...

– Попал пальцем в небо! Как будто мы с тобой сами не знаем обо всем, что пишет этот праведник! Подсказал бы, где взять деньги на новую школу или на ремонт больницы... а то придуривается, что не понимает, куда делся колхоз...

– Но побелить клуб...

– Не будем! Клуб продали Акулову, он обещал, что там будут и кружки для детей, и самодеятельность, и выставки; но ничего пока не сделал, вся деятельность – снял со стены портреты членов Политбюро и надолго куда-то уехал. Вот пусть приедет и побелит, а у нас кроме клуба есть на что тратить деньги!

– Люди, Гриша...

– Про людей молчи, Марк, все сам знаю: и про глас народа, к которому всегда надо прислушиваться, и про то, что народ всегда и во всем прав, что настроение народа – это важный фермент в организме государства, благодаря которому государство может выиграть самую тяжелую войну или, напротив, не в силах реализовать даже самую мудрую идею...

Полович поднял вверх руки, поморщился:

– Гриша, пощади...

– Ты мне объясни, Марк, – не слушая, продолжал Дамаскин, – почему, когда в районе поделили землю, никто из бывших колхозников на своей земле не кинулся организовывать *свое* сельское хозяйство? Да, налоги, коррупция, волокита... все знаю, но попытаться-то надо было! Не попытались. По дешевке распродали наделы шустрым проходимцам, выручку пропили, а теперь жалуются, мол, детей нечем кормить. Почему, скажи, такое произошло? Ведь наш народ, как нас учили, а потом и мы учили, – самый умный, самый трудолюбивый...

– Самый читающий, – Полович, улыбаясь, карандашом почесал ухо.

– Читают... как там у Некрасова... «милорда глупого»! Вчера захожу в библиотеку, спрашиваю у Дарчиновой, сколько народу приходит за день, какими книгами интересуются, а она мне – в слезах: за последнюю неделю не было ни одного человека! Ни одного, Марк!.. Наши предшественники в районе обобрали людей и до маразма заморочили им головы... знаешь, почему?

– Знаю. Люди оказались бедными и малообразованными.

– И еще...

Дамаскину вспомнилась сцена, которую на днях, возвращаясь с работы, он случайно увидел за забором возле дома бабки Васки.

Бабка и так и эдак пыталась войти в свой дом, но никак не могла преодолеть расстояние между земной твердью и дверями – две доски, когда-то составлявшие ступеньки порога, сгнили, а, может, просто оторвались. Не осилив крутой подъем, Васка пошла в сарай, вернулась с тремя кирпичами в подоле, пристроила кирпичи к дверям и по ним, наконец, пробралась в дом... Григорий Васильевич знал, что Васка – никакая не старуха, ей сорок с небольшим, а бабкой ее в городе зовут потому, что она любит притворяться старой и немощной, всем подробно рассказывает о терзающих ее «неизлечимых» болезнях, происхождение которых врачи определить не могут, «а только берут деньги». Рассердившись, Дамаскин тогда подумал: «Можно, конечно, убедить бабку найти две доски и прибить их четырьмя гвоздями, но если она привыкла залазить в дом по кирпичам, может, не надо ей мешать *так* жить?»...

Про Васку рассказывать не стал, только выдохнул:

– Отсюда – и жизнь...

За последние десятилетия жизнь в Маринске и в самом деле не только не продвигалась к лучшему, но, вопреки всем законам эволюции, то и дело норовила развернуться в обратную сторону. В прошлом году окончательно пересохла Дубравка. На усадьбах почему-то перестали вызревать арбузы, потом стала высыхать виноградная лоза, а новая вообще не прижива-

лась. Правда, по-прежнему хорошо росли яблони – каждый год они приносили столько плодов, что большую их часть маринчане ни съесть, ни продать на базарах не могли, излишки скармливали свиньям, а что оставалось от свиней, выбрасывали гнить в специально для этого выкопанные ямы.

О яблоках горожане любили поговорить – в основном делились опытом повышения урожайности. Были, конечно, и другие разговоры. Например, у Ивана Короткина, шофера главы администрации, возле дома хорошо росли анисовка, апорт, антоновка и кальвиль, и, как и у соседей, каждой осенью на деревьях плодов созревало больше, чем вырастало листьев. Прошлой осенью жена Зинка, когда они выбрасывали в яму очередной таз подгнившей, отдававшей спиртом антоновки, пожаловалась:

– У меня, Ваня, от наших яблок только изжога. Может, вырубим несколько старых деревьев, посадим, например, сливы? Они и для желудка полезны.

Иван предложение жены отверг, при этом вспомнил соседа Леньку Шибалова, тоже шофера, водителя городского автобуса. Три года назад Ленька у себя в саду выкорчевал четыре старых анисовки (Катерина, жена Леньки, потом два дня в слезах причитала: «Как пахли яблоньки! Как душисто цвели! Пчелки над ними жужжали – аж во всем доме было слышно!» и грубо обзывала Леньку фашистом). На месте поваленных и распиленных на дрова яблонь Ленька весной вскопал грядки, но там, заглушив все едва взошедшие полезные овощи, само-seвом выросла только *редька зимняя*...

Причину странного поведения чернозема, а также чрезмерной увлеченности населения яблоками городские *умники* объясняли по-разному. Некоторые утверждали, что «поскольку ось планеты уже сдвинулась на три градуса, скоро у нас будет саванна, потом – Сахара»; некоторые источником всех бед в природе и глупостей в обществе считали популярную современную музыку: «В попсе, говорили они, записана программа изменения климата и зомбирования народа; мы уже давно – как заводные куклы». Были в Маринске и те, кто все проблемы объяснял политическими причинами: «Злодеев, утверждали они, надо искать за океаном. Там, чтобы без войн и лишних трат установить мировое господство, изобрели прибор, который при помощи управляемого луча в нужные им стороны крутит наши мозги».

Слушая толки о сдвинувшейся оси Земли, зомбировании при помощи попсы или дистанционном управлении мозгами, горожане улыбались, а иногда сердились.

...Вернулись к воскреснику:

– Когда, Марк, люди своими руками проложат асфальт, выкопают бассейн... Понимаешь, что в них изменится?.. Народ мельчает от безысходности, а возрождается от успеха. Сколько раз приходилось видеть: человек уже совсем отчаялся, одна за другой неудачи сбивают с ног, все валится с рук, жить нет смысла... Где спасение? Спасает *успех*, даже самый маленький, хотя бы небольшая удача. Удача – тот ключик, которым человек открывает в себе запасы сил... Сегодня же создам комиссию по организации воскресника!

– У нас сорок комиссий. И ни одна не работает.

– А эта будет работать. Потому что... – Григорий Васильевич состроил лукавую гримасу и сделал многозначительную паузу.

Полович вскинул голову:

– Хочешь поручить это дело мне?!

Дамаскин развел руками:

– А кто, если не ты... Я сейчас позвоню Мишакову, попрошу его в понедельник собрать депутатов. Надеюсь, они нас поддержат... Марк...

Марк Семенович минуту сидел молча. Облокотившись на спинку кресла, он несколько раз поддевал пальцами подтяжки и шлепал ими себя по животу. Наконец, надул губу:

– Ну, если законодатели поддержат...

14 июня, конец дня...

Ночью Дамаскину приснился сон.

Медленно поплыли узкие улочки, огороженные колючими акациями; белые домики с замшелой черепицей на крышах; мостовые с редкой травкой меж камнями; старик на тротуаре с мешком семечек под ногами; серая крепость, пушечное ядро в стене у древних ворот...

«Сколько лет ядру?»

Начав считать, Григорий Васильевич... проснулся. Исчез маленький, приморский город, где когда-то (Грише десять лет) семья Дамаскиных целое лето гостила у близких родственников. Днем тут все накалялось на солнце, а когда сгущались сумерки – пахли ночные фиалки...

В один из тех дней отец предложил:

– А давай, Гришка, завтра утром пойдем на междугороднюю автобусную станцию; не глядя на расписание, сядем на первый подвернувшийся автобус, через час выйдем...

И был автобус, набитый шумной публикой, потом они долго шли пешком – мимо соленого озера, виноградника, на кустах которого уже висели грозди темно-фиолетовых ягод; в попутном селе купили большой арбуз и, спрятавшись в тени придорожной рощицы, съели его, – арбуз оказался спелым и утолил жажду; потом несколько километров проехали в кузове машины, которая везла свежую, только что скошенную комбайном пшеницу; к середине дня вышли к морю.

«И о чем только не говорили!.. Отец любил сказать пофасонистее. «Опорой человеку, например, говорил он, служат три кита: материальная достаточность, физическое здоровье и нравственное богатство. Первые два, Гриша, ничем не отличают нас от животных – те тоже стараются быть сытыми и здоровыми. *Человеческое* начинается (а может, и кончается) с кита третьего...

Отец умер два года назад – через год после внезапной смерти матери.

Откинув одеяло, Дамаскин включил свет. Часы на стене показывали начало третьего.

И вдруг не то опять во сне, не то вспомнилось наяву (мало ли что *вдруг* вспомнится человеку, проснувшись в два часа ночи!): совещание у губернатора; ужин в ресторане, тосты, водка... Глава Луценска Корнешов наклоняется к уху:

– Говорят, Гриша, ты взятку не берешь.

– Не дают, Степа!

Открыл глаза.

«Дурацкая шутка...» И вслед за ресторанным видением уж точно наяву перед глазами – еще одна картинка: клуб, предвыборное собрание, незнакомый мужик – запомнился его старый пиджак с остро торчащими лацканами – приложил руку к сердцу:

– Ты, Григорий Васильевич, только не воруй...

«Вот такой наказ... Когда-то полуграмотный купец, не сдержавший *слово* или не сумевший вовремя вернуть долг, стрелялся; сейчас в сознании людей *воровать* стало нормальным, естественным, природой данным человеку свойством... Чиновник, сидящий *на вопросе*, просто не может не брать взятку! Люди смеются, когда слышат, что есть политики, для которых *сверхкорысть* – вовсе не в том, чтобы наворовать по возможности...

А в чем лично моя *сверхкорысть*?

О, тут долго надо рассказывать... Одно могу пообещать мужику в пиджаке с торчащими лацканами: «воровать не буду!»

Сон подкрался внезапно, когда небо на востоке уже светлело.

17 июня...

1

Депутаты местного Собрания никогда не опаздывали на совещания, напротив, старались приходить в дом администрации задолго до назначенного часа, чтобы еще в коридоре (они любили говорить *в кулуарах*) весело побалагурить, поделиться семейными, а то и сугубо личными новостями и посоветоваться по поводу еще не до конца подтвержденных политических слухов.

На этот раз на втором этаже дома, где был небольшой конференц-зал, все были в сборе уже к половине двенадцатого. Разбились на кучки, тепло пожали друг другу руки, искренне поулыбались и, как водится в кругу хорошо знакомых людей, без лишних пауз стали беседовать. Темы *предварительных* разговоров, как мы уже упомянули, были в основном второстепенные и часто даже легкомысленные, потому что главные свои интеллектуальные силы депутаты берегли для основного разговора.

Двое мужчин средних лет в темных костюмах и одинаковых разноцветных галстуках стояли у крайнего коридорного окна, и один из них, тот, что был повыше ростом, глубокомысленно говорил другому:

– Учиться жить надо у японцев.

Собеседник, не соглашаясь, покрутил головой:

– Не-е... я лично – за конституционную монархию. Российские цари жалели страну, потому что она была их собственностью.

– Ты, кроме собственности, других ценностей в жизни не понимаешь, а вот японцы... Про *кондзё* слышал?

– Не-е... *кондер* знаю, это суп из всего, что под руку подвернется, – картошка, лук, рис, огурцы, вермишель...

– Морковку забыл, темнота. *Кондзё* по-русски – корень характера. Рассказать, как японцы воспитывают характер?

– Ну?

– Читал я очерк нашего физкультурника, он в Японии тренировался вместе с местными спортсменами. Так вот... В первый день для разминки тренер всем командовал: «Отжаться руками от пола сорок раз!». Понял? Сорок раз! Я, пишет наш, с трудом выполнил это задание, но тренер потребовал повторить упражнение еще двадцать раз! По памяти цитирую дальше: «Когда я приподнялся двадцатый раз, услышал: «Еще десять!». Пот с меня ручьями; на последних нервах заканчиваю «еще десять» и слышу: «Еще десять раз – проверим наше *кондзё!*»...

– Усрасться можно, – внимательно выслушав, подивился тот, что был ростом пониже, и, поглядев в окно, спросил о том, что, как видно, интересовало его сильнее японцев:

– Не знаешь, где можно купить хороший шланг?

– В Амстердаме...

В это же время по ковровой дорожке коридора медленно прогуливались двое. Один из них, маленький и морщинистый, держа в руке соломенную шляпу, слабым голосом сообщал высокому и лысому:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.